

На правах рукописи



Сун Гуйцзюань

**Культурный герой в мифологии
и фольклоре Восточной Азии**

24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

20 01 17 2010

Москва 2010

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized, cursive letters, located in the bottom right corner of the page.

Работа выполнена на кафедре культурологии и антропологии
Московского государственного университета культуры и искусств

Научный руководитель: **Чижиков Виктор Михайлович,**
доктор культурологии, профессор

Официальные оппоненты: **Воеводина Лариса Николаевна**
доктор философских наук, профессор

Максимов Дмитрий Валентинович
кандидат культурологии

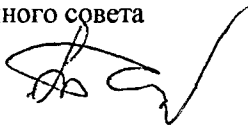
Ведущая организация: **Восточно-Сибирская государственная**
академия культуры и искусств

Защита состоится 28 мая 2010 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 210 010 04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Московском государственном университете культуры и искусств по адресу 141406, Московская обл, г Химки, ул. Библиотечная, д 7, корпус 2, зал защиты диссертаций

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета культуры и искусств, а с авторефератом – на сайте университета.

Автореферат разослан «19» апреля 2010 г

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор философских наук,
профессор



Т.Н. Сумина

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования заключается в том, что конец XX и начало XXI вв. ознаменованы быстро разворачивающимися процессами глобализации, которые стали реальностью и не вызывают споров. Однако значимость этого процесса для культур разных народов и локальных цивилизаций вызывает далеко неоднозначные суждения. Остро встали два вопроса, с одной стороны, – под влиянием процесса глобализации угроза вымирания самобытных традиционных культур, а с другой – все более осознаваемая потребность сохранения национальной и культурной идентичности народов, что создает ситуацию неустойчивости и непредсказуемости динамики событий. Все это воспроизводит в сознании картину первых неустойчивых периодов истории человечества, в которых культура взяла на себя ответственность за воспроизводство базовых качеств этноса, его идентичности, воссоздав дух древних культурно-исторических эпох в народном эпосе.

В древнем фольклорном и мифологическом памятнике о культурном герое и сегодня угадывается свод эвристических предписаний по самоорганизации и сохранению архаичных культур в условиях глобализации. Опыт истории фольклорного и мифологического эпоса древности и средневековья позволяет изучить его формы и способы коммуникации и трансляции в экологически чистом виде и на его основе искать подходы к решению более сложных проблем современной культуры.

Это актуально еще и потому, что в древних сказаниях о культурном герое, преданиях, мифах, легендах, сформировавшихся в недрах культуры, в значительной мере формируется культурно-историческая эрудиция каждого современного общества. Она имеет социокультурную значимость, не только потому, что знание всегда оценочно и значимость присуща любому оценочному подходу и всегда отражает интересы и ценности каждого общества. Она значима и потому, что дает основания для самооценки и самоидентификации членов общества, служит формой оправдания своего прошлого и настоящего, особенностей культуры, нравов, обычаев и т.д.

Для китайской научной мысли актуальность диссертации определяется новыми подходами к исследованию уникальных свойств китайской культуры, в которой «традиция» (в глубинном смысле) не противостоит «новации», и, сохраняя свою традиционность в смысле приверженности системоцентристскому типу идентификации, Китай добивается впечатляющих успехов на модернизационном пути развития. Китайской ментальности всегда было свойственно пронизательное понимание происходящих в мировом опыте процессов. Своим многовековым китайским сознанием, в котором сохранялся и сегодня сохраняется мощный пласт архаических традиций, сканируются происходящие в мировой культуре процессы и обрабатываются так быстро, что за этим часто не успевает ни одна западная или восточная научная традиция.

Для России как евразийской страны исследование народного эпоса в мифологии и фольклоре Восточной Азии актуально в контексте изучения прошлого и настоящего ее народов, чтобы избежать развития опасных тенденций девальвации этнического самосознания. Для России, Китая и других стран фольклорный и мифологический пласт культуры, сохраняя базовые мировоззренческие приоритеты этноса, характерные для архаического этапа развития, становится неким компасом, ориентирующим сообщество в развитии диалога культур, их сближения и взаимообогащения. Как культурный герой народного эпоса «Гэсэриада» заставляет изменяться культурное пространство вокруг себя, так и индивид, формируя нового культурного героя, делает новый виток изменений своего культурного пространства. Культура меняется по мере изменения социальной общности, носителя и среды его существования, но если культурные черты перестают быть субъективно-значимыми для человека, они отмирают или сохраняются в виде деградирующих обычаев и ритуалов.

Таким образом, актуальность исследования для китайской и российской науки определяется необходимостью выявления связи социокультурных факторов и механизмов в переходном состоянии этнических структур с динамикой изменения функций культурного героя в мифологии и фольклоре. Раскрытие этой связи дает основания для выявления степени зависимости общественного мировоззрения от социальных процессов на примере трансформации роли культурного героя в фольклорных сценариях.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной и зарубежной научной литературе широко представлены исследования мифологии и фольклора культурного героя, одного из центральных феноменов в истории культуры и древнейшего способа рефлексирования окружающей действительности и человеческой сущности. Вопросами изучения понятия «культура» и ее художественных аспектов, значимостью культурных фактов, функциями и ролью культуры в процессе развития (преемственности) занимались такие видные ученые, как Р.Г. Абдулатипов, А.И. Арнольдов, Э.А. Баллер, Н.А. Бердяев, И. Белоконь, В.П. Большакова, Ю.В. Бромлей, Ф.М. Вольтер, Г.В.Ф. Гегель, Л.Н. Гумилев, Д. Дидро, Н.А. Данилевский, С.Н. Иконникова, И.А. Ильин, В.О. Ключевский, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, И. Левин, Ш. Монтескье, Э. Маркарян, А.П. Марченко, В.А. Малинин, Б.Г. Мосалев, Ж.Ж. Руссо, И.В. Суханов, Т.Н. Суминова, В.А. Тихонова, М.Б. Туровский, А.А. Тлюяева, А.Я. Флиер, Л. Фейербах, В.М. Чижиков, М.М. Шибаева, Э. Шилз, К. Ясперс и др.

В данной работе в качестве методологического ориентира использованы научные теории таких известных ученых, как А.А. Аронов, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин, В.С. Библер, Г.В. Гриненко, Я.Э. Голосовкер, В.В. Денисов, Б.С. Ерасов, В.В. Иванов, А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, И.В. Малыгина, Е.М. Мелетинский, А.С. Панарин, А.М. Панченко, А.А. Пелипенко, В.Я. Пропп, В.А. Ремизов, В.А. Тихонова, О.М. Фрейденберг, О.В. Шлыкова, в которых нашли обоснование философско-

культурологические подходы к исследованию древних цивилизаций, концепции «диалога культур», этнически и религиозно детерминированные ментальности, лежащие в основе обычаев и нравов людей.

Среди зарубежных ученых, сформировавших различные философские направления в изучении героики мифов, следует выделить Р Барта, А. Бергсона, Г.Г. Гадамера, И Г Гердера, Э Кассирера, С Ленгера, Л Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, А. Леруа-Гурана, Ф. Ницше, Й Хейзинги, З. Фрейда, Э Фромма, К. Хюбнера, Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, М Элиаде, К Ямме. Мифология, как первичная модель всякой идеологии и синкретическая колыбель различных видов фольклорной культуры, представлена в трудах А.Ф. Лосева «Диалектика мифа», Е М Мелетинского «Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники», Э Лэнга «Мифология», Л. Леви-Брюля «Первобытное мышление», К. Леви-Стросса «Структурная антропология» и др. Миф как объект социальной психологии рассмотрен в работах Л С Выготского, В Бунда, С. Грофа, Г. Закса, Г. Лебона, А Н. Леонтьева, В В. Налимова, Г. Прайса, О. Ранка, К Уилбера, П Н Шихирева, К.Г. Юнга и др. Идеи К.Г. Юнга развивали труды мифокритиков М Бодкина, Дж. Кэмпбелла, Э. Ноймана, З. Фрейда, Н Фрая и др. Эти авторы разработали основные подходы к изучению культурно-символической формы «Я-концепции», на эго-адаптивной, эго-защитной и эго-интегративной функциях человека, совместимые с когнитивистским и символическим подходом в антропологии.

В круг исследования данной работы включены также труды Н В Галициной, Л.Н. Воеводиной, Ж. Демюзиля, Дж Кэмпбелла, М Г Корн, К. Нарахно, А.Е. Ноговицина, Н И. Неженца, А. Пятигорского, Г Рохейма, М Я. Сарафа, В. Тэрнера, В Н. Топорова, Тао Лю, М Элиаде, основу которых составляют исследования героического мифа и основополагающие идеи коллективной и индивидуальной человеческой истории – сотворения мира и становления человека

В лингвистических текстах мифология раскрывается священными писаниями всех религий. Лидер ритуально-мифологической школы в литературоведении Н Фрай считал Библию "грамматикой литературных архетипов", античные или библейские сюжеты используют Т. Манн «Волшебная гора», Дж. Джойс «Улисс», Ф. Кафка; традиционные мифы используются имплицитно, например, в библейском сюжете Иова, но разворачивается самостоятельное мифотворчество («Замок»), обнаруживая при переворачивании мифа и его частичное превращение в антимиф.

Проследить теоретические тенденции преувеличения роли культовых, ритуальных корней мифологии, а также переоценки и универсализации концепций обожествленного царя помогают научные воззрения Дж. Фрэзера, автора "Золотой ветви" и так называемая кембриджская школа мифологов (Ф М Корнфорд, Дж Мэррей, лорд Рэглан, Дж. Харрисон, С. Хук, С. Хайман и др.), разработавших систему повторяющихся на каждом новом витке истории в изначальной форме древней обрядности ритуально-символических актов

Проблемы сохранения и передачи культурных ценностей отражаются в работах таких авторов, как М.Н. Афасижев, М. Бахтин, М.М. Богуславский, В.А. Волобуев, О. Дробницкий, А.Г. Здравомыслов, А. Иконников, В.А. Лекторский, Н. Маньковская, А.А. Оганов, Л.А. Стешко, М.Я. Сараф, А.П. Сергеев, В.П. Тугаринов, В.Д. Тепферов, В.В. Чижиков, В.В. Ядов, Е.Г. Яковлев, З.Н. Яргина и др. Способы исполнения (импровизации) и интерпретации устных фольклорных преданий, смысла и понимания мифологических текстов о культурном герое эпоса «Гэсэр» как памятника культуры были рассмотрены с учетом работ В.М. Алексеева, Г. Абая, Б.Я. Владимирцева, Л.Н. Гумилева, В.С. Грехнева, Б. Лауфера, Е.М. Мелетинского, Г.Н. Потанина, С.А. Токарева, А.И. Улановой и др.

Однако несмотря на достаточно обширное количество научных работ культурный герой в мифологии и фольклоре Восточной Азии до настоящего времени не являлся предметом специального исследования

Объект исследования – культурный герой в мифологии и фольклоре народов Восточной Азии.

Предмет исследования – динамика трансформации ролей культурного героя эпоса «Гэсэриада» в разных древних и современных социально-мировоззренческих системах стран Восточной Азии.

Цель исследования – научно обосновать место культурного героя народного памятника «Гэсэриада» в социально-мировоззренческих системах тибетского, монгольского и бурятского эпоса, выявить сходство и различия, динамику изменения его ролей в культурно-историческом процессе

Данная цель реализуется в процессе решения следующих задач

- рассмотреть историю и генезис представлений о мифе, мифологии как особом способе создания, воспроизводства и конструирования реальности этнокультурной среды традиционного и современного общества;
- раскрыть базовые понятия героев народного эпоса, определяющие основные исследовательские направления в изучении культурного героя;
- исследовать психоаналитические когнитивные и символические формы и сценарии «Я-концепции», объясняющие существование в них культурных героев;
- выявить природу устойчивых и переменных функций культурных героев, сохраняющихся в различных мифологических системах, различных этнических и социальных сообществах;
- раскрыть «Гэсэриаду» как эпический цикл устных и письменных сказаний, воссоздающий генеалогические ветви религиозно-мифологического культа, шаманских призываний, правителя «центра», цивилизаторской деятельности Гэсэр-хана Восточной Азии;
- представить культурно-историографическую картину путей исследования и распространения знаний о восточноазиатском эпосе в мировых социально-мировоззренческих системах;
- выявить сходные и отличительные свойства основных древних версий монгольского (прозаического), бурятского и тибетского (стихотворно-

го, поэтического) эпоса «Гэсэриада» и его значение в мировой фольклорной традиции,

- обосновать причинно-следственные связи возврата к мифологическому мышлению, второго рождения мифологического и фольклорного эпоса «Гэсэриада» в современной жизни как способа снятия социальных противоречий и внутренних конфликтов личности, необходимости диалога культур и объяснения происходящих социально-культурных явлений в российском и китайском обществе

Гипотеза исследования. Положение неустойчивости и непредсказуемости динамики культурного развития, угроза вымирания самобытных традиционных культур, вызванные процессами глобализации, воссоздает в сознании картину первых неустойчивых периодов истории человечества, в которых культура взяла на себя ответственность за воспроизводство базовых качеств этноса, его идентичности, раскрывая дух древних культурно-исторических эпох в народном эпосе

Обращение к социально-мировоззренческому мышлению, основанному на мифологических и фольклорных ценностях народного эпоса «Гэсэр», в современной жизни может стать одним из способов снятия социальных противоречий и внутренних конфликтов личности, обоснования необходимости диалога культур и объяснения происходящих социально-культурных явлений в российском и китайском обществе и всего мирового сообщества.

Методология и методы исследования. Теоретическую основу диссертации составляют исследования отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся в области культурологии, этнологии, мифологии, фольклора, философии. Использовались наиболее важные идеи, концепты и проекты различных отечественных и зарубежных школ и направлений – В.М. Алексеева, Г. Абая, З. Баумана, П. Берегра, Б.Я. Владимирцева, Л.Н. Гумилева, Дж. Кэмпбелла, Б. Лауфера, К. Леви-Стросса, Е.М. Мелетинского, Г.Н. Потанина, Э. Фромма, Н. Фрая и др.

Исследование базируется на основных гносеологических принципах: логическом, принципе историзма, принципах целостности и взаимодополнительности, принципе диалектического соотношения общего, особенного и единичного, которые предопределили использование таких исследовательских методов, как метод междисциплинарного исследования, метод типологизации, метод изучения явления на основе тождества и различия, метод контент-анализа и др.

Для углубленного исследования отдельных проблем диссертации потребовалось применение специальных методов: сравнительного текстологического анализа, сравнительной историко-культурной реконструкции, метода выявления культурных доминант, метода кросскультурного обобщения, метода социодоминантного анализа, метода выявления базовой мифологической тематики, историко-текстологического анализа, метода междисциплинарных связей и методов сравнительного анализа ритуальной и мифологической культуры

Научная новизна исследования состоит в следующем

- раскрыто организационно-функциональное строение эпоса «Гэсэриада», его эпический цикл устных и письменных сказаний, воссоздающий генеалогические ветви религиозно-мифологического культа, шаманских призываний, правителя «центра», цивилизаторской деятельности Гэсэр-хана Восточной Азии,

- выявлены схожие и отличительные свойства основных древних версий монгольского (прозаического), бурятского и тибетского (стихотворного, поэтического) эпоса «Гэсэриада» и его значение в мировой фольклорной традиции,

- установлены и структурированы основные роли культурного героя эпоса «Гэсэриада» в мифологических системах и фольклоре стабильных (родоплеменной строй и государство), нестабильных (сообществ переходного к государству) типов обществ,

- обоснованы причинно-следственные связи возврата к мифологическому мышлению, второго рождения мифологического и фольклорного эпоса «Гэсэриада» в современной жизни как способа познания и рефлексии современного мира, человека и межчеловеческих отношений, снятия социальных противоречий и внутренних конфликтов личности, обоснования необходимости диалога культур и объяснения происходящих социально-культурных явлений в российском и китайском обществе

Теоретическая значимость исследования связана в первую очередь с его научной новизной и состоит в проведенном анализе особенностей культурного героя и его функционирования как важного фактора сохранения национальной самобытности народов и, в целом, повышения уровня культуры китайского и российского общества. Результаты исследования имеют значение для философской науки в рамках культурологии, онтологии, аксиологии и гносеологии. Разработанные в диссертации проблемы предопределяют принципиально новый подход к изучению вопросов, характерных для современной культуры и общества.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в разработке проблем сохранения культурных ценностей России и Китая как фактора повышения уровня культуры современного российского и китайского общества. Выводы и положения диссертации могут быть применены при разработке программ социального и культурного развития, при чтении учебных курсов по социально-гуманитарным дисциплинам, таким, как социология, культурология, философия и др.

Положения, выносимые на защиту:

1 Культурный герой мифологии и фольклора восточноазиатской культуры является символом национальной идентичности. Большинство современных культур характеризуются в настоящий момент полной или частичной переориентацией на мировоззренческие ценности тех или иных мировых религий. При этом мифологический и фольклорный эпос не только сохраняет базовые мировоззренческие приоритеты этноса, харак-

терные для архаического этапа его развития, но и является способом познания и рефлексии современного мира, человека и человеческих отношений

2 Функции культурного героя в разные социальные и культурные периоды развития каждой страны изменяются и зависят друг от друга. Социокультурный конкретный контекст определяет ту или иную их роль и тенденции его развития. Как культурный герой заставляет изменяться культурное пространство вокруг себя, так и индивид формирует нового культурного героя, обуславливая новый виток изменений культурного пространства

3 Культурный герой, его основные функции и роли, несущие в своих формах и чертах, смыслах и содержаниях определенную символическую информацию, в известном смысле являются культурными ценностями и могут принимать различные виды в зависимости от социального класса, к которому непосредственно относятся и чьими ценностями непосредственно являются. «Национальный характер» отражает психологические особенности представителей той или иной нации, что непосредственно связано с ролью и функциональными особенностями культурного героя как особый способ распределения и регулирования внутри культуры ценностей или поведенческих моделей

4. Эпос «Гэсэриада» является символом восточноазиатской общности различных культур и традиций, сосредоточив в себе и объединив своеобразие культур и ментальности многих народов, подчас существенно отличающихся между собой в силу социальных и культурных вех своей истории. Культурный герой эпоса обладает синкретическими свойствами национального героя, отображая этнические черты и основные социальные ценности данного временного периода (эпические герои былин, легенд, эпосов) и обладает свойствами выражения характера различных социальных групп, их специфических черт и функциональных задач за счет смекалки и хитрости

5. Эпическое сказание о Гэсэре существенно отличается от всемирно известных «Илиады» и «Одиссеи» не только своеобразием поэтики и исполнения, но и большей жизнеспособностью. Записанные тысячи лет назад «Илиада» и «Одиссея» и многие другие, обладающие мировой известностью памятники культуры давно уже перестали исполняться, петься и разыгрываться сказителями, передаваться из уст в уста, но эпос «Гэсэриада» не только дошел до нас как «памятник», но в своей мифологической и фольклорной традиции служит источником заимствования и социокультурного функционирования в традиционной и современной этнической среде.

6 Современная социокультурная действительность ставит на повестку дня свойства культур, которые можно считать фундаментальными «диалоговую природу» культуры, мифологичность, обращение к прошлому в поисках утраченных вечных ценностей, первичность культурных взаимодействий по отношению к социальным процессам

Апробация результатов исследования.

1 Основные идеи диссертации нашли отражение в 4 опубликованных автором научных статьях, две из них в журналах, рекомендованных ВАК

2 Основные положения и результаты диссертационного исследования апробированы на конференциях, среди которых. международная научно-практическая конференция молодых ученых «Науки о культуре – современный статус», 2007 год, Второй международный симпозиум «Вузы культуры и искусств в едином мировом образовательном пространстве стратегии диалога культур», 2008 год, международная научно-практическая конференция к 40-летию кафедры теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры и искусств «Культура в контексте гуманитарного знания», 2007 год, научно-практическая конференция «Реформа в сфере культуры – предварительные итоги на региональном уровне», 2007 год

3 Результаты исследования внедрены в учебный процесс кафедры истории культуры и кафедры народной художественной культуры Московского государственного университета культуры и искусств

4 Диссертация обсуждена и рекомендована на заседании кафедры культурологии и антропологии Московского государственного университета культуры и искусств (протокол № 6 от 24 марта 2010 г.)

Структура диссертации состоит из введения, двух глав, восьми параграфов, заключения, списка использованной литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** изложены параметры актуальности и изученности темы, новизны, научной и практической значимости работы, раскрываются методология исследования, положения, выносимые на защиту и др

Первая глава **«Культурный герой: традиции и современность»** посвящена концептуальным исследовательским подходам к раскрытию проблемы культурного и народного героя, определению основных понятий, функций и ролей культурного и народного героя в контексте культурно-исторической динамики от традиций к современности

В первом параграфе **«Базовые понятия различных подходов в исследовании культурного героя»** герой рассматривается как человек выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью, совершающий подвиги, главное действующее лицо литературных произведений, воплощающее в себе характерные черты эпохи, среды, привлекающее к себе внимание чем-нибудь или являющееся предметом восхищения, подражания

Культурный герой – мифический персонаж, который добывает или впервые создает для людей различные предметы культуры, учит их ремеслам, искусствам, вводит ту или иную культурную и социальную организацию. Он может является реальным историческим лицом, харизма ко-

торого зависит от представлений социальной среды об идеальном правителе. Память о нем также сохраняется в народных преданиях и фольклоре.

В исследовательский оборот при анализе мифологических и фольклорных явлений, а также их героев автор включает ряд традиционных и новейших методов, в том числе историко-географический метод (Ю Крон, А Аарне, С Томпсон, К Ф Сидова, И Хауталу), в основе которого лежит анализ сюжетов, мифов, легенд и сказок

Взгляды на миф – как на инструмент первобытного логического мышления – К Леви-Стросса, на фольклор – как деятельность, связанную с психотерапией, «игрой» героев – Р Абрахамса, на специфику воздействия акустического пространства, объясняющую силу воздействия мифологии и фольклора на сознание и подсознание людей – Р. Джорджеса, М. Эдмонсона, М. Маклюэна, дали возможность диссертантке выйти на новый уровень исследования фольклора – как процесса, состоящего из системы структурно-символических коммуникативных актов общения

С другой стороны, мифология и фольклор рассмотрены и с позиций психоанализа культурного и народного героя, разработанного З Фрейдом и его современными последователями – Дж Кэмпбеллом. Э Фроммом, Н Фраем, Дж Фишером. Отсюда – фольклор рассмотрен в виде подсознательной прошлой в современной жизни, протекающей в сфере мифов индивидуального и коллективного подсознательного, показаны бессознательные основы мифологической символики, объяснено происхождение гротескных персонажей мифов

Диссертантка обращает внимание на качества культурного героя, которые в процессе становления и изменения социума и социальной среды в своем развитии проходят ряд этапов

Приоритетом в мифологии является религиозная тематика, разделяющаяся на высокий уровень – теологический и низкий – бытовой и саркально-иронический, что определило специфику и границы существования культурного героя. Данте был первым, кто смягчил между ними дистанцию, некоторым образом «снижая» мифы высокие и облагораживая низкие. Именно в его «Божественной комедии» можно проследить путь и перспективу существования «высоких» и «низких» культурных героев

Представители позднего Возрождения превращают мифологию в эстетический универсальный язык, с помощью которого предлагают читателю, зрителю и слушателю осмыслить те или иные идеологические ценности, а культурный герой становится носителем этого языка. Вершиной подобного осмысления мифологии и ее героев становится творчество И В. Гете. Вслед за ним следуют представители немецкого романтизма, вначале писатели, а потом философы переосмысливают собственное идеологическое и философское бытие. Именно с этого периода расширяются границы индивидуального мифотворчества, у практически каждого человека появляется шанс стать культурным героем

Преодоление позитивистски-натуралистических и романтико-эгоцентрических эстетических теорий становится возможным именно благодаря новой мифологии XX века и ее новых героев, все это помогает человеку обрести гармонию между фантазиями и реальностью, субъективным и объективным началом, вертикальным пониманием вселенского смысла и ощущением ничтожности собственного существования

Диссертантка отмечает особенности функционирования современного героя и его отличие от героев древней мифологии над человеком господствует не природа, как в античности, а цивилизация, мифологическое мироощущение героя носит не героический, а драматический или иронический характер, герой современных мифов преследует свои корыстные цели, его поведение часто нелепо и некультурно. Рефлектирующий герой XX века подводит философскую базу под собственное мировосприятие, психологизм превращается в постоянного спутника современной мифологии, тема абсурдности бытия становится типичной для современной мифологии и искажает целостную систему жизненных координат ее героев, роль рока как некоей воздействующей на человека судьбы берет на себя повседневное существование. Существование культурных героев приобретает натуралистическую, бытовую окраску, новые мифологические герои становятся результатом не коллективного творчества, порождаются к жизни не некоей народной общностью, а становятся следствием тупиков внутреннего мира индивидуума. Созданные в сознании мифологические персонажи тесно переплетаются с внутренним диалогом читателя, зрителя, слушателя видео- и аудиопродукции, предназначенной для массового потребления, что впоследствии порождает литературу, искусство и культуру из этого же «потока сознания»

Желания манипулировать коллективным бессознательным нередко воспринимаются как показатель успешности современного героя, но часто проявляются в нарушении прав человека на свободу волеизъявления, разрушают ценностные ориентации в современном социуме

Проблема навязанного конструирования социальной реальности под влиянием всевозможных мифологических манипуляций разрушает картину мира масс, негативно воздействует на их дальнейшее взаимодействие с окружающим миром. Современная социокультурная действительность ставит на повестку дня следующие свойства культур, которые можно считать фундаментальными «диалоговую природу» культуры; мифологичность, обращение к прошлому в поисках утраченных вечных ценностей, первичность культурных взаимодействий по отношению к социальным процессам

Во втором параграфе первой главы *«Культурный герой в психологической антропологии»* исследуются современные подходы психоаналитической антропологии к изучению не только культурно-символических форм «Я-концепции», но и эго-адаптивной, эго-защитной и эго-интегративных функций (З. Фрейд), которые совмещаются с когнитивистским и символическим подходами в антропологии, объясняя существова-

ние в них культурных героев в различных сценариях жизни. Отталкиваясь от динамической системы («эго» – сознательное, предсознательное и бессознательное, «ид» и «супер-эго» – бессознательное), которые имеют свою собственную функциональную нагрузку и роль в поддержании личности как целостной системы, диссертантка показывает, как на основе исследований Рохейма формируется этническая картина мира и концепции этнологии «этноса культуры», «основной личностной структуры», «основной модальной структуры».

С помощью ценностного подхода показано существование межэтнических и межкультурных различий, то есть наличие «национального характера». Культурный герой, его основные функции, являясь явными культурными ценностями, могут принимать различные виды в зависимости от социального класса, к которому непосредственно относятся и чьи ценности непосредственно являются «Национальный характер» отражает психологические особенности представителей той или иной нации, что непосредственно связано с ролью и функциональными особенностями культурного героя.

Дифференциации культурных моделей и психологических типов связаны между собой, а характер этих связей определяется статусом социальных групп и слоев, имеющих специфические функциональные задачи и приоритеты, где наиболее «приемлемые» психологические типы «выживают» в характерных социальных условиях. Культурные герои в диссертации делятся на два основных типа. Первый тип – национальный, отображает этнические черты и основные социальные ценности данного временного периода (эпические герои былин, легенд, эпосов). Второй тип характерен для различных социальных групп, отражает их специфические черты и решает функциональные задачи.

Следуя этой логике, диссертантка делает вывод о том, что культурный герой может существовать на уровне этнической группы, а в то же время может присутствовать и во внутрикультурной группе, но, при этом, приобретает свойства, выражающие чаяния народа.

В странах Восточной Азии и других регионах мира с древних времен были распространены идеи манипуляции массами тем или иным героем с помощью архетипов сознания. Н. Макиавелли, например, исповедовал такие принципы героя, как он не должен быть верным своему слову, если причины, побудившие дать его, в данный момент для героя не важны; не следует резко отказывать, но уметь прикрыть нарушенное обещание вежливой причиной, народный герой или претендент на эту роль должен уметь произвести впечатление добродетельного человека, но не обязательно быть им; демонстрируемые добродетели: искренность, верность слову, милосердие, сострадание, благочестивость, приемлемы любые средства, потому что «чернь» всегда преклоняется перед успехом, главное при этом сохранить видимость благих намерений.

В диссертации приведены и другие реальные «практики» коммуникативного воздействия на массы, и известные секретные лаборатории, в ко-

торых разрабатывались технологии управления толпами народными героями

К ним относится следующее убеждение, что цель правящей власти и ее «народного лидера» – говорить только правду, потому что на фоне этой так называемой «правды» легко провести скрытый смысл, возвращение у народа чувства собственного величия, связанное с тем, что развитие собственного величия порождает снижение критического восприятия, подавление инакомыслия объявление тех, кто имеет собственное, отличающееся от «общепринятого» народным героем мнения, «врагами народа», безграничное восхваление героя, авторитет которого признается непререкаемым

Такой практике часто способствовала и культура, которую, во времена ей соответствующие, не принято было назвать деформирующей сознание масс, но которая всегда сохраняла «лучшие» традиции подавления человека тем или иным народным героем разделение мира на «своих» и «чужих», «друзей» и «врагов», утаивание и искажение информации, придумывание ложных результатов, которыми народ под руководством своего героя мог бы гордиться, сенсационность, которая повышает уровень массовой тревожности, негативная информация и угроза

В третьем параграфе первой главы *«Культурный герой в концепции Дж. Кэмпбелла»* дается структурный анализ социальных, культурных и психологических концепций мифотворчества Дж. Кэмпбелла, в которых находит отражение не только лишь бессознательное, но утверждаются духовные принципы всей человеческой истории и культуры, раскрываются мировые судьбоносные символы человека

Судьбоносные символы «Тысячеликого героя» проходят стадию уединения и исхода зов к странствиям или признание призвания героя, отвержение зова или попытка убежать от Бога, сверхъестественная поддержка, оказанная герою, преодоление первого порога, «во чреве кита или вступление в царство ночи» Вторая стадия – испытаний и побед «путь испытаний или опасные лики богов», встреча с божеством, «женщина как искушение или прозрение и агония Эдипа»; достижение мира с Отцом, апофеоз и вознаграждение в конце пути Третья мифологическая стадия героя состоит из следующих ступеней «отказ от возвращения или отвержение мира», «чудесное избавление или побег Прометея», неожиданное спасение извне, изменение мира повседневности, превращение ее в праздник, свободное владение благами мира, «свобода жить или характер и функция предельного блага»

Мифотворчество как своеобразное средство «расширения мыслительных горизонтов» позволяет взглянуть по-новому на бывшие некогда болезненными для сознания образы Современность представляет собой обилие «расколотых аллегорий», переживание каждой из них становится травмирующим фактором для неподготовленной психики. Это является одной из причин столь распространенного сегодня явления, как манипуляции в тактике поведения современных героев, которые беспокоят соз-

нение, психическое напряжение растет, «питаюсь» осколками некогда разрушенных ценностей

В диссертации говорится, что мифотворчество разрушает привязанность человека к конкретным формам, оценочным суждениям и полярным противоположностям, оно способствует переплетению и растворению друг в друге мифологии и индивидуального опыта. Нисхождение и восхождение человеческого духа становятся следствием слияния мифа и личного опыта, слияние восхождения и нисхождения превращается в откровение о собственной жизни, человек вдруг понимает о себе нечто, чего не понимал ранее. Индивидуальное переживание откровения претерпевает «очищение катарсисом». Следствием переживания катарсиса становится слияние с высшим духовным смыслом, индивид реализуется, и в этой реализации чувствует свое бессмертие.

Важным в данной связи представляется и феномен социального ожидания, своеобразного социального заказа, авансирование через систему таких социальных ожиданий и социальный «заказ», коммуникативную обусловленность. В ожиданиях и реальности культурный (харизматический) герой может выступать хранителем традиции народа. Поскольку деятельность такого героя охватывает широкое внеинституциональное пространство, он влияет на все без исключения стороны жизни общества, вне зависимости от их институциональности.

Но эта миссия героев является все же вторичной по сравнению с их ролью сохранения национальной идентичности, защиты территории, укрепления и расширения державы. В этой своей первичной роли герой для современной России и Китая наиболее актуален, так как он является фактором, который может играть позитивную роль в развивающихся обществах, где необходима модернизация социальных, экономических, культурных систем и самого человека.

В четвертом параграфе первой главы *«Трансформации роли культурного героя в процессе социокультурных изменений»* раскрывается характер устойчивых и переменных функций культурного героя, которые сохраняются за ними в различных мифологических системах в тех или иных этнических и социальных сообществах. Миф о появлении и обустройстве мира связан с господствующими в обществе социальными отношениями и является их отражением, динамика изменения таких представлений является показателем детерминирующего влияния социальных факторов на культурные и кросскультурные процессы.

Анализ картины мифологического создания мира в диссертации начинается с образа Великой Матери как наиболее архаичного варианта, относящегося к обществу охотников и собирателей, а затем прослеживается динамика его развития. Образ Великой Матери как культурного героя рассмотрен в своей архаической полноте: она создательница мира, прародительница людей, она ответственна за перерождение души человека и его судьбу, и дарительница жизни. Причиной смены культурных героев и их функций в первую очередь является ситуация напряжения в обществе, связан-

ная с социальными или природными причинами. Период родоплеменного строя в диссертации условно разделяется на три этапа.

На первом – торжествует зооморфный культ Великой богини, которая определяет характеристики социальной структуры. Во время второго этапа на социальном уровне и на уровне жизнеобеспечения Богиня Мать как культурный герой занимает ведущее место в системе миростроительства. На третьем этапе при развитии культурно-социальной среды происходит постепенное выделение двух основных мотивов возникновения мира: первый связан с зооморфным выражением Богини, второй вызывает постепенное вытеснение богини мужским персонажем.

С изменением социальной структуры и жизнеобеспечения в мифотворчестве зарождается мужской персонаж (Баррайя) – носитель фаллического символа – копья, который способствует рождению мира, но его роль в самом творении достаточно незначительна. Дальнейшее развитие сюжетов сотворения мира приводит к постепенному вытеснению женского персонажа как создательницы мира из мифологических систем при развитии родоплеменного общества, а, следовательно, и из его социальных систем.

В диссертации прослеживается тенденция смен культурного и народного героя, причинами которого являются активное освоение пространственно-временного континуума и соотнесение его с нормативной социальной структурой. Основные функции культурного героя по жизнеобеспечению, продолжению рода отходят на второй план, уступая место распределению социальных ролей, что становится предпосылкой появления ярко выраженной родовой аристократии и зарождения государственных отношений.

В диссертации делается вывод, что постепенная замена ведущего персонажа мифологической системы проходила в двух направлениях. Первое. происходила прямая замена пола женского персонажа на мужской, как в случаях с хеттскими божествами Солнца или малоазийским Дионисом. Второе: торжествовал постепенный паритет женского родового и мужского божества – покровителя военной аристократии, с последующим выдвижением при развитии социальных отношений на первое место мужского царского божества.

Диссертантка раскрывает архаически-синкретический характер культурного героя, раздвоенного на уровень серьезного и демонически комического. В религиозном плане это соответствует этическому дуализму, а в поэтическом – дифференциации в нем героического и комического начал. Это объясняется не только фактом широкой циклизации сюжетов вокруг популярных фольклорных персонажей, но и тем, что действие в этих циклах отнесено ко времени до установления строгого миропорядка – к мифическому времени.

Культурный герой влияет на реальность, преобразует ее, при этом сама реальность не затрагивает его. Он остается статичным, что подтверждается в сказаниях о трикстерах как легальной отдушины регламентированности в родоплеменном обществе, шаманского спиритуализма и др. Путь у культурного героя всегда связан с тем, что он берет на себя бремя

ответственности за других, что требует особых моральных качеств и силы. Обычно герои и наделяны сверхчеловеческими возможностями, хотя и лишены бессмертия. Путь у трикстера – это всегда «бесцельное брождение», «просто путешествие», это всегда уход от ответственности.

Приведенный в исследовании анализ показывает, что трикстер, как особый тип культурного и народного героя, является «изменителем» мира и «бесспорных» социальных установок. Функционально образ трикстера характерен как образец для общества переходного типа.

Вторая глава **«Гэсэриада» как уникальный памятник культуры** посвящена исследованию национального эпоса, эпического цикла устных и письменных сказаний о Гэсэр-хане в Центральной и Восточной Азии в традиционном понимании и анализе разных научных взглядов в изучении этого эпоса. В пространство изучения включены тибетские, монгольские, бурятские, калмыцкие образцы этого эпоса и такие варианты прочтения имени героя эпоса, как Гесар, Кесар, Гасэр, Гусэр. Мифологический контекст эпоса «Гэсэриада», показан как символ центральноазиатской общности различных культур и традиций, объединив и сосредоточив в себе и своеобразии культур и ментальности многих народов, подчас существенно отличающихся между собой в силу социальных и культурных вех своей истории.

В первом параграфе второй главы **«Народный эпос «Гэсэриада» и основные подходы к его изучению»** показано, что культурный герой является выражением представлений народа о качествах идеального правителя, образ его отражен в народном фольклоре и эпосе, а основная его функция – служить нормативным эталоном национальной культуры. Вопрос об исторической реальности героя эпоса позволяет предположить, что народный герой является реальным историческим лицом, харизма которого зависит от представлений социальной среды об идеальном правителе, а память о нем также сохраняется в народных преданиях и фольклоре, и у Гэсэра есть реальный прототип, его можно считать и народным героем. У тибетских и монгольских народов, включая бурят (Абай Гесер хубун), а также ряда тюркских (салары, желтые уйгуры, тувинцы, алтайцы) и тибето-бирманских народностей принято считать, что Гэсэр – известный герой эпических сказаний и поэм, объект развитого религиозно-мифологического культа, первоначальное ядро сказания о нем сложилось в северо-восточном Тибете.

В данном параграфе раскрывается основное содержание этого эпоса, опирающееся на сказания тибетской мифологии (Гесар, Кесар), персонажей мифологий монгольских народов, бурятской мифологии (Абай Гесер хубун), персонажей ряда тюркских (салары, желтые уйгуры, тувинцы, алтайцы) народностей, тибето-бирманских народностей, а также исследователей эпоса Х. Гюнтера, П. С. Паласа, Я. И. Шмидта, А. М. Позднеева, Б. Лауфера, Г. Н. Потанина, А. И. Вострикова, В. М. Алексеева, Р. Шоу, Б. Я. Владимирцева, М. П. Хамаганова, Ю. Н. Рериха.

В культовой практике Гэсэр – это некое универсальное охранительное божество, которое, подобно большинству шаманских божеств, выступает как покровитель воинов, защитник стад, победитель демонов, податель счастливой судьбы, в том числе, охотничьей удачи. В шаманских призываниях Гэсэр иногда именуется бурханом или тенгри, его называют сыном неба, обитающим поверх высокой белой горной вершины в доме из облаков и туманов. В отличие от Тибета, где обожествлены также многие соратники и противники Гэсэра, у монгольских народов объектом культового поклонения является только Гэсэр. Чаще всего его имя производят от ирано-согдийской формы титула «кесарь» или от имени Госыло, соответственно, в китайской транскрипции – имя правителя Туфаньского княжества в северо-восточном Тибете.

В устной монгольской традиции (и в бурятской версии эпоса) за героем утвердилась репутация истребителя демонов и чудовищ (мангусов). Именно демоноборчество сближает Гэсэра с тибетским масангом и сходным с ним бурятским Буха-нойон бабаем. Автор диссертации отмечает любопытный факт, который наталкивает на противоречивые догадки. Оказалось, что живописные и скульптурные изображения самого Гэсэра или других персонажей эпического сказания встречаются довольно редко. Это объясняется тем, что господствующая в Тибете буддийская школа гелукиа всегда негативно относилась к самому сказанию, считая его пережитком небуддийского прошлого. При этом изображения царя Гэсэра, найденные в Тибете и Монголии, поделены на две группы: это изображения сверхъестественной жизни царя Кэсара (Гэсэра), следующие за текстом письменной версии сказания, это изображения Гэсэра как Гуань-ди, маньчжурского бога войны и защитника маньчжурской династии.

Разные версии эпоса предлагают и разное прочтение его героя – как культурного, как народного, как реально жившего исторического персонажа и даже, порой, как некую хронику, на основе которой можно «читать» реальные события.

Во втором параграфе второй главы *«Традиции и современность: история исследования эпоса»* говорится о том, что, несмотря на обширную литературу, собранную за последние полтора столетия и большие собрания в отечественных и зарубежных книгохранилищах старопечатных книг, на огромную исследовательскую работу, сделанную в этой области; на солидную научную базу накопленного материала, раскрывающего смысл таинственного для русской культуры Гэсэра, многое в истории этого эпоса остается неизученным и спорным.

Тибет оставался одной из самых развитых и воспеваемых авторами народных и культурных эпосов, но европейцы, которые пытались и проникали в Центральный Тибет, подвергались угрозе смертной казни. Тибетская письменность сохранила вплоть до наших дней исследуемый нами эпос «Гэсэр». Необычайная популярность поэмы привлекла внимание двух монголов, писавших по-тибетски: Сумба-хамбо и Чахар-гэбши. Семь глав монгольской версии поэмы были изданы на монгольском языке в Пе-

кине в 1716 г. В России первые сведения об эпосе опубликованы П. С. Паласом в 1776 г. В Европе «Гэсэриада» была издана в переводе академиком Я. И. Шмидтом в 1836 г. В. Бергман, который записал на Волге у калмыков песни эпоса, не вошедшие в издание Шмидта, опубликовал их в переводе на немецкий язык. Ученый считал эпос религиозным монгольским сочинением.

Первым о существовании тибетской версии «Гэсэриады» сообщил венгерский ученый А. Чома де Кереш. После неудачных поисков тибетской версии «Гэсэриады» в Пекине и Монголии, их ученики нашли экземпляры тибетской «Гэсэриады». А спустя несколько лет моравский ученый Франке записал в Ладаке одну из версий «Гэсэриады» и приобрел запись другой версии, которая была сделана для него со слов тибетского сказителя Б. Лауфер не считал монгольскую версию переводом тибетской. По мнению ученого, исследуемый им эпос – интереснейшее произведение монгольской литературы.

Г. Н. Потанин впервые сделал записи об эпосе на русском языке через переводчиков, которые передавали ему услышанное из уст народных сказителей в Монголии и Тибете. Б. Я. Владимирцев установил, что в Тибете легенды эпоса о Гэсэр-хане предстают в следующих формах: героических песен, новелл, рапсодий, легендарных повестей и рассказов, сказок. Французская путешественница Давид-Неель и лама Йонгдэн издали краткий пересказ сказителя Дикчен из города Джекундэ одной из существующих тибетских версий эпоса о Гэсэре на французском языке, в 700 листов. Впоследствии выяснилось, что речь идет только об одной главе, в которой повествуется о войне с саматским царем.

Известно также, что Рерих приобрел в Восточном Тибете экземпляр тибетской версии эпоса. Однако несмотря на многочисленные версии и переводы эпоса, на исследование его многими поколениями ученых Запада и Востока, до сих пор нет даже общего научного обзора этого памятника и его адекватной оценки. К сожалению, полная тибетская версия не издана ни на тибетском, ни на других языках, в научном мире данная версия известна в пересказе Потанина и Франке.

В работе советского тибетолога А. И. Вострикова («Тибетская историческая литература») была сделана попытка представить полную картину тибетской средневековой литературы. Он впервые вводит тематическую классификацию произведений тибетской литературы и выделяет в ней следующие составляющие: биографическую литературу, династические, родовые, монастырские хроники, истории перевоплощенных героев, летописи, историко-географические сочинения, хроники, которые могут быть непосредственно отнесены к истории религий. О происхождении монгольской версии «Гэсэриады» существуют три основных версии: это произведение переведено с тибетского, оно заимствовано монгольским народом сюжетами из Тибета, эпос – самостоятельное творчество монгольского народа, впоследствии переведенное на тибетский язык.

Пути дальнейших исследований данной проблемы диссертантка видит в дальнейшем исследовании сочинений тибетских и монгольских монахов, в анализе китайских летописей, поскольку китайцы в течение многих веков заносили в свои летописи события, которые происходили не только в Китае, но и в соседних странах. И, несмотря на то, что этих летописях иногда до неузнаваемости искажаются чужие имена, но датировка всегда остается точной. Поэтому китайские летописи могут служить хорошей проверкой исторической точности других источников. Но, к сожалению, ни тибетские хроники, ни китайские летописи еще не привлекались к подобному исследованию.

В современной науке встречаются утверждения, что исследуемый эпос – нечто фантастическое, и выяснить через него историчность его героя невозможно. Диссертантка считает, что в основе большинства эпосов лежат некие мировые сюжеты и мифологические образы, однако это не является основанием для подтверждения реальности их с историческими личностями. Тем не менее, – утверждает диссертантка, – всякая фантазия, как правило, основана на реальной почве, данный эпос, несмотря на присущую ему сказочность, походит более на историческую повесть, чем на сказку. При желании можно найти реальные аналоги в истории Китая тому, что описывается в эпосе. На сегодняшний день существует четыре основные версии личности Гэсэра: герой эпоса – китайский бог войны Гуань Ди, кесарь Александр Македонский, Чингис-хан, историческое лицо, которое жило и совершало подвиги в самом Тибете.

Истоки некоторых традиций культуры и их поддержание нередко лежат в политическом и социальном плане. Светские и духовные феодалы в интересах взаимной поддержки нередко манипулировали народными традициями и использовали культурных героев в своих целях, внушая мысль о непогрешимости, святости и неизбежности существующего социального строя. Но в народной традиции храмы, построенные китайцами в Монголии и в Тибете, считаются храмами Гэсэра, и отражают, скорее всего, стремление народа, вопреки ламству, возвеличить своего национального героя, поставить его в один ряд с маньчжуро-китайским богом Гуань-Ди и с индийским божеством Джамсараном. У бурятского народа Гэсэр тоже обожествлен, как сын шаманского божества Хурмусты-тэнгери.

Способы обожествления героев выражают противоречие между основными классами – феодалами и арами: первые утверждают, что индийское божество и бог войны – одно лицо, и покровительствует феодалам; вторые обожествляют простого смертного, предка известного китайского бунтовщика Даваца. Подобное отождествление – своего рода попытка народа сохранить некую свою независимость и право распоряжаться сокровищами национальной культуры.

Диссертантка не соглашается с исследователем Б. Я. Владимирцевым в том, что феодалы – угнетатели народа создавали эпос, ярко выражающий чаяния угнетенного ими же народа. И вот почему угнетатели и угнетенные не могли представлять собой единое целое, и считать феодалов

единственной творческой силой в создании мифологии эпоса, значит, идеологизировать феодалов и принижать творческую роль простого народа, лишая народ его культурного наследия. Тот факт, что большинство народа не владело письменностью, не означает, что им не могли быть созданы устные источники, которые позднее были письменно зафиксированы. Еще один аргумент в монгольском эпосе часто восхваляются герои, вышедшие из среды угнетенных бедняков, которые ведут борьбу с угнетателями народа, совершают много великих подвигов и становятся любимыми богатырями, благодаря которым народ обретает способность найти свою опору. Титул «хан», которым наделяются некоторые из монгольских героев, не обязательно означает высокое происхождение, отнюдь не равен значению этого слова – как правителя феодального общества.

Диссертантка поясняет вопрос о якобы некоей враждебности эпоса «Гэсэриада» по отношению к русскому народу. Это мнение родилось на основе статьи М.П. Хамаганова «Реакционное, космополитическое содержание Гэсэра направлено на подрыв чувства доверия к великому русскому народу». Идеологической подоплекой этому явлению восхваление народных героев богатырей, ханов, которые во имя защиты старых феодальных порядков восставали против прогрессивных веяний, которые шли со стороны России в результате присоединения к ней казахстанских и других территорий Средней Азии.

Ни в Монголии, ни в Китае никогда не было объективных причин не любить русских. Результатом даже имперской политики царского правительства было освобождение Монголии от маньчжурского ига и сближение русского и монгольского народов. Китайцы всегда относились к русским с большим уважением. Поэтому говорить об антирусских настроениях и на этом основании не изучать «Гэсэриаду» в России, на взгляд диссертантки, значит совершать большую ошибку. Известно, что один из жителей Тибета как-то сказал русскому путешественнику Козлову в 1901 г. «В вас ламы вполне естественно видят недругов, потому что в недалеком будущем через вас, таких же людей, роль этих дармоедов утратится, взамен этого простые смертные свободнее вздохнут».

Итак, большинство исследователей о Гэсэре считают, что в основе своей этот эпос является народным, со свойственным ему культурным (харизматическим) героем, поскольку основным содержанием эпоса является идея о некоей стране крестьянского счастья и ее хорошем царе, который борется против черных сил социального зла и несправедливости.

В третьем параграфе второй главы *«Тибетская, монгольская и бурятская «Гэсэриада»: сходство и отличия. «Гэсэриада» в контексте мировой культуры»* анализируются особенности эпоса народов азиатских регионов мира. Первые записи сказания, воедино сводившие различные устные варианты текста в тибетскую письменную версию «Гэсэрады», появились в Тибете в XI-XII веках. Монгольский текст этого сказания был издан в Пекине в 1716 г., а бурятский эпос о Гэсэре опубликован в 1930 году. Поздняя письменная фиксация бурятской версии эпоса представляет

исключительный научный интерес, потому что именно в бурятских вариантах (забайкальских, унгинских и эхирит-булагатских) сохранились наиболее архаические черты общего центральноазиатского мифа, самостоятельная ветвь архаичной устной культурной традиции. В бурной истории последних двух тысячелетий Восточной Азии, которая мало способствовала сохранению культурных ценностей, эпос о Гэсэре дошел до нас во множестве версий, которые отличаются богатством сюжетов и своеобразием художественных образов.

Когда у народа нет сил и возможностей победить зло, он вынужден в своих чаяниях прибегать к носителям (говоря современным языком) суперсилы, к абсолютной силе. Все эти процессы и порождают сказки, былины, сказания, эпосы, так возникают Зигфрид, Илья Муромец, Роланд, Давид Сасунский, Манас, Алтын-Чус, Гэсэр. Героический эпос «Гэсэриада», существующий, по крайней мере, тысячелетие, называют «Илиадой Восточной Азии».

Отличия эпического сказания состоят в том, что монгольский существует в прозаическом виде, бурятский и тибетский, в большинстве вариантов – в стихотворном. Бурятский эпос сохраняет наибольшую первозданность, своеобразие и поэтичность и каждый его вариант всегда состоит из девяти ветвей. Сказители бурятского эпоса, называемые гэсэришинами, повествовали в юрте только ночью и по одной ветви за ночь, слово перемежалось с декламацией, плясками и пением. Постановочность бурятского эпоса отличает его от эпоса тибетского и монгольского. Бурятский эпос считают своим не только буряты, но и многие другие восточноазиатские народы.

Его книжное издание, академическое, а затем и художественное началась еще в довоенные годы. 6 мая 1941 года было принято постановление Совнаркома СССР, подписанное И.В. Сталиным, о проведении в ноябре 1942 года юбилея бурят-монгольского эпоса «Гэсэр», однако в ноябре 1942 года было не до юбилея.

К числу ученых с мировым именем, открывших неизвестные страницы бурятского эпоса, диссертантка относит и доктора филологических наук, поэта Алексея Уланова, сделавшего подстрочный (буквальный, смысловой) перевод «Гэсэриады» на русский язык. В его трактовке бурятский эпос сохраняет типичные восточные традиции написания текстов. Страницы текста описывают неторопливость и вдумчивость, с украшением каждой фразы и детали.

Динамичность, активность монгольского и тибетского эпоса проявляется в сюжетной концентрированности, некой жесткости сказания. Эпос распространен у тибетцев, монголов, тувинцев, алтайцев, калмыков, северотибетских уйгуров и других народов. Тибетская версия нередко поется во время погребальных церемоний среди голоков и хорпа на северо-востоке Тибета. Тибетский эпос связан с китайской историей. Герой тибетского кочевого эпоса Кэсар идентифицируется с Гуань-Ди, героем знаменитого и самого широко читаемого китайского романа «Троецарствие».

а Гуань-Ди почитается наравне с самим Конфуцием, во всех городах ему были построены храмы и места почитания, по всей империи в его честь ежемесячно, в особые дни исполнялись особые службы. Эпос «Гэсэриада» стал как бы символом центральноазиатской общности различных культур и традиций, сосредоточив в себе и объединив своеобразие культур и ментальности многих народов, подчас существенно отличающихся между собой в силу социальных и культурных вех своей истории.

Эпическое сказание о Гэсэре сохраняется в живой народной памяти многих народов до нашего времени, чем и отличается от всемирно известных «Илиады» и «Одиссеи». Не принижая национальной гордости греков, заметим, что записанные тысячи лет назад «Илиада» и «Одиссея» давно уже перестали исполняться, петься и разыгрываться сказителями, передаваться из уст в уста, но эпос «Гэсэриада» дошел до нас и в мифологической и в фольклорной традиции. Именно поэтому научное исследование этого эпоса в настоящий момент имеет всемирное значение.

В четвертом параграфе второй главы *«Мифологический контекст эпоса «Гэсэриада» и современность»* показано, как мифологическая структура эпоса «Гэсэриада» в современной жизни помогает человеку преодолевать разрушения системы ценностей. Диссертантка дает объяснение, почему современная эпоха оказалась временем второго рождения мифа, своеобразным социальным возвратом к мифологическому мышлению, о чем свидетельствуют процессы современной жизни: заимствования сюжетов древнего эпоса, появление новых политических мифов, построенных на известных мифологических приемах эпоса «Гэсэриада». Разрушение рационально-логической формы понимания и объяснения мира вызывает к жизни мифологическое, обобщенно-образное видение мира, которое снимает ряд социальных противоречий и внутренних конфликтов личности. Стремление понять и объяснить происходящее в России и в Китае заставляет обращаться к проверенной веками мифологической картине мира.

Опираясь на исследования Н. Рериха, диссертантка анализирует некоторые мифологические традиции, заимствованные из этого эпоса и существующие до настоящих времен: в племенах шара-уйгуров или хоров встречаются названия селения по именам хорских героев эпоса, белая полоса, нашиваемая на палатки шара-уйгуров, символизирует удар меча царя Кэсара; если кто-либо подъезжает к палатке шара-уйгуров на гнедом коне, то коня привязывают головой от палатки, чтобы избежать опасности от боевого коня Кэсара; в Каме до настоящего времени существует ритуал и подношения в честь царя Кэсара; в деревнях Ладака весной проводится праздник Кэсара, и мужское население упражняется в стрельбе из лука, во время праздника поют особые песни, называемые «песнями Линга», в которых упоминаются эпизоды из эпоса, что якобы привлекает удачу к будущим летним и осенним урожаям.

Диссертантка показывает, что в мифах заложена вселенская многовековая мудрость, объясняющая причины явлений творчески, не вторгаясь в

бессознательное и не разрушая его. Поэтому, как и русские философы, в числе которых В.В. Иванов, А.Ф. Лосев и многие другие, диссертантка советует не пренебрегать мифами. В эпосе «Гэсэриада» как мифологическом произведении пространство, в котором действует герой, подчиняется особым законам – законам мифа, небожителям не чужды человеческие слабости, они могут иметь дурной характер, они ссорятся, мирятся, участвуют в человеческих делах, занимаются охотой, устраивают собрания, слушаются старейшину рода. В этом мире нет деления на фантастическое и реальное, явления природы и законы общества. Весь мир одушевляется и наделяется человеческими качествами. чудовища приобретают вид людей, небо, гора, река, рыбы, травы ведут себя как люди.

Тайна героя эпоса Кэсара представляет собой монголо-тибетскую транскрипцию римского титула «цезарь», в котором некоторые исследователи усматривают даже династический титул. Диссертантка выражает солидарность с Н. Рерихом о необходимости ускорить изучение эпоса о Гэсэре и углубить его, так как давление современной цивилизации вынуждает носителей древней традиции уходить в глубину их гор и сказители, хорошо знающие эпос о Гэсэре, встречаются редко, унося с собой важные для современности мифологические традиции и секреты.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, содержатся выводы и предложения по дальнейшему исследованию проблемы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК Минобрнауки РФ:

1. Сун Гуйцзюань. Эпос «Гэсэриада» и его культурный герой // Вестник МГУКИ. – 2010 – № 2. – С. 93-96.
2. Сун Гуйцзюань. «Гэсэриада» как уникальный памятник культуры // Вестник МГУКИ – 2010 – № 3 – С. 98-102.

Другие публикации:

3. Сун Гуйцзюань. Изменение функций народного героя в зависимости от социокультурного контекста // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – № 5 (30) – С. 223-225
4. Сун Гуйцзюань. Мифологический контекст азиатского эпоса о Гэсэре и современность // Массовая культура: миф и реальность. Сб. статей (по материалам «круглого стола») / Науч. ред. И.Н. Романов, В.А. Тихонова. – М.: МГУКИ, 2010. – С. 126-131.

Подписано в печать 06.04.2010 г
Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз
Заказ № ____ Ротапринт МГУКИ